

ТРАДИЦИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИНАМИКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Функционирование письменности в качестве коммуникативного средства, имеющего явные преимущества над устной традицией хранения и передачи информации, является обязательным условием существования цивилизованных обществ и развития национальных культур. Р.Барт отмечал, что письмо и обычная речь противостоят друг другу, поскольку письмо обладает глубинным символическим содержанием, а обычная речь представляет собой “последовательность пустых знаков, которые имеют смысл только благодаря своему движению вперед” [1, с. 335–336]. К особенностям и закономерностям социального функционирования многих произведений вербального творчества Ю.М.Лотман отнес способность совмещения их разных функций – художественной, эстетической, нравственной, магической, политической, философской, юридической и др. [2, с. 22]. Благодаря такому синкретизму и многоаспектности культурного текста возрастает его актуальность.

Словесное творчество всегда соотносится с определенной исторической эпохой и несет в себе духовный след своего времени, являясь транслятором закодированного в художественных образах и сакральных смыслах комплекса информации о ценностных доминантах и нормативных параметрах жизнедеятельности социокультурной среды.

Значительным событием в истории европейской культуры Средневековья было становление христианского культурного комплекса, который представлял собой крупнейшую информационную систему, сформировавшуюся с целью христианского просветительства и охватывавшую разнообразные способы и средства постижения христианских истин (церковная письменность, книжное обучение, храмовая культура, мону-

ментальное искусство, иконопись, церковное песнопение). Письменность играла существенную роль в расширении пространства христианской культуры и способствовала систематизации, объяснению вероучения и защите авторитета церкви. В процессе восхождения к вершинам веры слово, напрямую обращенное к эмоционально-чувственной сфере и индивидуальному внутреннему миру человека, являлось приоритетным и значимым средством просвещения и инкультурации.

В отличие от современного понимания книги как источника информации в целом в эпоху Средневековья книжные знания отождествлялись с божественной мудростью Священного Писания, постижению которой и посвящалось книжное обучение. В дальнейшем возникновение средневековых университетов, развитие средств обучения и становление светского образования способствовали расширению семантики слова *книга*. Важнейшую категорию средневековых письменных источников составляла каноническая литература, представленная текстами Священного Писания и созданными на их основе богослужебными книгами. Каноническая литература играла определяющую роль в становлении оригинальной церковной письменности. В последующие эпохи она всегда сохраняла незыблемость своего статуса, объединяла не только людей религиозных и приходящих к вере, но обретала определенное место даже в жизни скептиков и неверующих.

Но в эпоху Средневековья письменность не являлась единственным и самым доступным средством христианского просвещения. Ж.-П.Сартр, отмечая элитарный характер христианской книжной культуры, подчеркивал, что “у Церкви давно есть язык более простой, чем письменность, – изображение” [3, с. 75]. “Скульптуры монастырей и соборов, их витражи, роспись, мозаика – все посвящено Богу и Священному Писанию. Клирик пишет свои хроники на полях этих огромных иллюстраций веры. Все свои философские сочинения, интерпретации, поэмы он адресует

равным себе <...>. Его не волнует, как воспримут его труды массы, потому что их они никогда не прочтут” [3, с. 76].

Способность читать и писать, являющиеся в современном обществе доступными каждому человеку, в средневековые времена были возможностью и даже правом только избранной части социальной структуры – грамотеев-клириков. Ж.-П.Сартр отмечал, что чтение и письмо “не использовались как упражнение для ума” широкими слоями населения, а были единственным средством сохранения и передачи христианской идеологии. “Научиться читать – значит владеть инструментом для понимания и знания священных текстов и бесконечных их комментариев. Уметь писать – означало уметь комментировать. Другие не старались овладеть этой профессиональной техникой, как мы сегодня не хотим овладеть техникой столяра или архивариуса, если имеем другое ремесло” [3, с. 75].

Постижение божественного Откровения не может отождествляться только с формально-содержательным усвоением Священного Писания, так как предполагает еще духовное прозрение самого верующего, не сводимое к рациональному знанию и логическому пониманию. Мишель Монтень придавал изучению священной истории смысл сакрализованного таинства, предполагающего благоговейное, смиренное и почтительное отношение человека и исключаящее развлечение в качестве своей цели. “Как смешны люди, – писал он, – возомнившие, что сделали ее (священную историю. – *А.П.*) доступной народу, изложив на народном языке! Слово ему достаточно разобраться в словах, чтобы понять все, что написано” [4, с. 380].

Эразм Роттердамский призывал верующих помнить, что врываться в Священное Писание “с немывтыми руками и ногами – своего рода святотатство”, а что касается толкования божественных книг, то это следует делать только “имея в высшей степени чистую душу, чтобы по оплошности лекарство не превратилось в яд” [5, с. 30–31].

В средневековом обществе обращение верующего к книжной культуре приобретало мистический характер. “Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстоял произведению, как и иконе, испытывал чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским” [6, с. 18]. Значимость книжного обучения в духовном развитии человека отметил еще летописец в “Повести временных лет”, сравнивая книги с реками, наполняющими вселенную, с источником глубинной мудрости, исцеляющим средством, уздой воздержания, которые приносят пользу душе и приближают человека к Богу.

Наряду с произведениями, общепризнанными церковью и получившими статус *истинных* книг, в Средневековье были распространены книги, составлявшие альтернативу канонической литературе и известные под названием *ложных* (*отреченных, запрещенных*). К ним относились апокрифы, имевшие существенные расхождения со священными первоисточниками и догматическими положениями христианства; книги по магии, гаданию, колдовству; сборники народной мудрости и суеверий; сочинения астрологического содержания; философские и поэтические произведения античных авторов.

Свое негативное отношение к подобным произведениям церковь обосновывала тем, что *отреченные* книги противоречат содержанию Библии, распространяют невежественные языческие представления, вводят людей в заблуждение и оскверняют истинную веру. Увлекаясь магией, гаданием, колдовством, гипнотизмом, некромантией, астрологией, человек руководствуется желанием перешагнуть грань имманентного познания, посмотреть вперед и узнать о предопределениях своей судьбы с помощью сверхъестественных сил. Категоричность библейских запретов обусловлена, главным образом, тем, что знания, полученные в результате оккультных действий, являются дьявольским искушением и представляются несовместимыми с истинной верой, так как противоречат условиям союза человека и Бога и

отождествляются с грехом богоотступничества. Убеждения в иллюзорности и разрушительности подобных увлечений для души изложены во многих книгах Ветхого Завета и Нового Завета.

Церковные писатели, подчеркивая значимость книг Священного Писания в развитии личности, одновременно осуждали привязанность людей к произведениям античных авторов. Христианские просветители Средневековья и особенно эпохи Возрождения не отрицали значимости многих сочинений античных поэтов и философов, если ознакомление с ними будет выборочным, умеренным, осторожным и особенно “если все это приводит ко Христу” [5, с. 31]. Эразм Роттердамский считал, что полезно прикоснуться ко всем произведениям языческих авторов, если слишком не углубляться в их чтение и вместе с сочинениями язычников не впитывать их нравы. Обращаясь к христианину, Эразм Роттердамский писал: “Если ты из языческих книг возьмешь самое лучшее, как пчела, облетая все сады древних, минуешь ядовитый сок, а высосешь только спасительный и благородный, ты возвратишь свою душу жизни всеобщей, которую и называют этической” [5, с. 34–35].

Возникновение печатной книги открыло возможность для адресации письменной информации, и не только религиозного содержания, широкой аудитории. Книгопечатание положило начало феномену коммерциализации народной культуры. Со времени появления первых гутенберговских изданий печатная продукция составила существенную конкуренцию производству рукописной книги – достаточно прибыльному и почетному занятию, за счет которого тогда существовало немало людей. Распространение печатной книги привело к разрушению представлений о привилегированности знаний, стимулировало появление муниципальных библиотек, доступных для граждан.

Несмотря на то, что издание Библии, научно-популярной и учебной литературы стало знаковым событием в культуре народов Европы, книгопечатание с периода Ренессанса вплоть до конца эпохи Нового времени нельзя считать феноменом массовой

культуры в современном понимании этого явления. Даже если уровень грамотности населения позволял ознакомление с текстами Священного Писания, то, к сожалению, далеко не каждый, кто умел читать, мог приобрести книги по причине их высокой цены. Стремление протестантов сделать Библию доступной в лингвистическом отношении посредством переводов на национальные языки еще не гарантировало ее доступность, хотя в протестантских странах уровень грамотности населения был гораздо выше, чем в католических и православных.

В эпоху Нового времени в Европе получили распространение дешевые лубочные издания, имевшие подобие брошюр или буклетов, иллюстрированных примитивными гравюрами, которые были рассчитаны на мало-мальски грамотное население. На восточнославянских землях Франциск Скорина первым начал практическое осуществление культурного проекта массового приобщения людей к книжному знанию через распространение книгопечатания.

Появление и развитие новых коммуникативных средств привело к смене культурной парадигмы и определило дальнейшую судьбу культуры. Массовая культура обусловила существенные изменения в системе ценностных предпочтений, темпе и ритме общественной и личной жизни, стала главным фактором трансформации информационной среды. Массовая культура способствовала разрыву с традицией, поскольку в информационном обществе складываются принципиально иные формы и каналы распространения и сохранения культуры.

Современная культурная ситуация, связанная с процессами и явлениями глобализации в мировом пространстве, ставит перед обществом высокой степени сложности проблемы: насколько потенциал традиционной культуры является актуальным в условиях современного общества, как он соответствует духу времени и ценностным доминантам людей? Идеалы народной культуры, отражающие особенности действительности человека-земледельца и, бесспорно, актуальные для аграрного общества, уже

не в полной мере могут продолжать себя в информационном пространстве постиндустриального общества. Вряд ли современные юноши и девушки по достоинству оценят ценностный смысл мифологем, традиционных образов народных сказок, преданий и, беря за идеал, будут стремиться им подражать. То же касается места народного обряда, песенной лирики, традиционной одежды в контексте современной массовой культуры.

Традиции в массовом обществе перестают играть прежнюю функцию, утрачивают свой сакральный смысл, приобретают статус зрелищных феноменов культуры и чаще всего имеют развлекательный характер и прагматическое предназначение. Народные игры вытесняются компьютерными развлечениями, а физический труд в урбанизированном обществе превращается в рудимент, переставая играть если не первичную, то существенную роль, поскольку массовая культура, освобождая человечество от многих забот, одновременно осуждает людей на пассивность в отношении своего развития.

В то время как в традиционном обществе этнические традиции и обычаи выполняют коммуникативно-информативную и нормативно-регулятивную функции, определяя онтологическую сущность культуры и тем самым властвуя над людьми, в ситуации массовой культуры человек сам становится субъектом власти над традицией, уже утрачивающей нормативный смысл. Подтверждением является процесс использования этнонациональных традиций туристическим рынком, в условиях которого феномены народной культуры (традиционные ремесла, народное творчество, фольклор) становятся предметом коммерческих отношений.

Книжная продукция, являющаяся предметом массового производства и потребления, далеко не всегда ассоциируется с духовностью. Чаще всего она преследует исключительно прагматические цели. Растиражированная на бумаге низкого качества, начиная с бульварной литературы и заканчивая кули-

нарными рецептами, она призвана скорее удовлетворить физиологические нужды души, нежели обеспечить ее катарсис.

Средства массовой информации вытесняют традиционные, непосредственные межличностные взаимодействия и контакты людей и в результате способствуют их дистанцированию. Коренное изменение содержательной сущности коммуникативного процесса состоит в том, что в современных социокультурных условиях первостепенными являются получение, поиск, продажа информации, в то время как на второстепенный план отступают рефлексивные способности, творческое восприятие и духовное освоение информации разными категориями потребителей: читателем, зрителем, слушателем и т.д.

Ныне утвердившаяся экранная культура не предполагает непосредственное прикосновение с сакральным миром духовного творчества, поскольку он оказывается спрятанным за *стеклянной* стеной. Процесс активного утверждения мобильных электронных средств информации изменяет не только статус информации, но и типологию нашего мышления. Подтверждением тому является характеризующийся разорванностью феномен клипового сознания, ставший неотъемлемым атрибутом культуры информационного общества и пронизывающий практически все каналы коммуникации. Искусствоведы обращают внимание на негативную сторону видеоклипов, поскольку последние обладают способностью вторгаться в интимные сферы коммуникации и навязывать определенное визуальное решение, в то время как подсознательно у человека могут возникать разные ассоциации с вербальными, звуковыми образами. В аудиовизуальном отношении клиповый ряд нередко представляет собой сочетание кадров, совершенно неуместных с логических, эстетических позиций. Фрагменты такого коллажа подобны эффекту спонтанного переключения кнопок телевизионного пульта и лишены смыслового единства.

Клиповая книга как феномен постмодернистской художественной культуры отличается многоадресностью и рассчитана на

удовлетворение потребностей разных категорий читателей, поскольку предполагает несколько семиотических уровней восприятия. Она может быть одновременно обращена к высокоинтеллектуальному читателю, способному к философской рефлексии, и пассивной категории массовых потребителей, ожидающих эмоционально-чувственного упоения от внешнего содержания. Современные учебные шпаргалки (вроде краткого изложения программных литературных произведений) – типичный пример клипового варианта книжной суррогатной продукции массовой культуры.

В нынешнем обществе традиционная книжная культура не всегда успевает удовлетворять нужды потребителя, привыкшего поглощать информацию в невероятном объеме и отдающего предпочтение электронным масс-медиа. Постиндустриальная эпоха бросает вызов традиционной книжной культуре и в качестве своего отличительного символа утверждает более динамичную экранную культуру. Э.Тоффлер писал: “Компьютеры – это не сверхъестественные силы: они ломаются, допускают ошибки, сопряженные порой и с опасностью. В них нет ничего таинственного (сакрального. – А.П.) и, конечно же, они – не “духи” и не “души”, обитающие в окружающей нас среде”. И все же, по словам Э.Тоффлера, “они остаются в числе самых поразительных и будоражащих воображение достижений человеческого разума” [7, с. 290].

Но возможности современной информационной культуры не безграничны. Глобальная информационная сеть вряд ли уподобляема чудо-метле, способной проникнуть в самые укромные уголки и господствовать над всеми сферами духовной жизни человека. Несмотря на излишество информации прагматического, интеллектуального и развлекательно-гедонистического характера, в которой утопает современный человек, достаточно ощутима его потребность в более интимных и незаменимых каналах получения информации. Традиционное понятие *книги* в значении Божественного Откровения не совместимо с мониторным воспроизведением текстов Священного Писания, поскольку сложно

через электронного посредника представить обращение верующего к Библии, предполагающее непосредственную, личную встречу со словом Бога.

Следует заметить, что отношения между современными и традиционными коммуникативными средствами не обязательно имеют оппозиционный характер. Электронные медиа по отношению к традиционной книжной культуре могут выполнять охранительную и репродуктивную функции. Экранная культура обеспечивает визуальную общедоступность к памятникам письменности и изданиям, ставшим библиографической редкостью, способствует популяризации и продолжению жизни рукописей и старопечатных книг.

В информационном социокультурном пространстве традиции книжной культуры утрачивают прежние функции и на фоне глобальной информационной ситуации их присутствие нередко кажется анахронизмом. Но прогнозы о полном вытеснении традиционной книжной культуры являются необоснованными, несмотря на то что информационные сети создают книгоиздательской продукции серьезную конкуренцию, являясь часто во многих отношениях более доступными для разных категорий массового потребителя.

1. *Семиотика*: антология / сост. Ю.С.Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.

2. *Лотман, Ю.М.* О поэтах и поэзии / Ю.М.Лотман. – СПб.: Искусство, 1996. – 848 с.

3. *Сартр, Ж.-П.* Что такое литература? Слова / Ж.-П.Сартр. – Мн.: Попурри, 1999. – 448 с.

4. *Монтень, М.* Опыты: в 3 кн. / М.Монтень. – СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. – Кн. 1–2. – 960 с.

5. *Роттердамский, Э.* Похвала глупости: сочинения / Э.Роттердамский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 688 с.

6. *Лихачев, Д.С.* Избранные работы: в 3 т. / Д.С.Лихачев. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 2. – 496 с.

7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э.Тоффлер. – М.: Издательство АСТ, 2002. – 776 с.

БИБЛИОТЕКА БГУКИ